

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ПИ. ЧАЙКОВСКИЙ
С.И. ТАНЕЕВ

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

П.И. ЧАЙКОВСКИЙ
С.И. ТАНЕЕВ

ПИСЬМА

*Составитель и редактор
В. А. ЖДАНОВ*

Консистории Александровичу
Ординару
с глубоким приветствием
В. Жданов
4/852, Москва

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ — 1951

шт. Газ. 17 ноября 1953

КЛАССИК С МНОГОТОЧИЕМ

Запись в дневнике Чайковского: «...чинал оперу «Снегурочка» Римского-Корсакова и удивлялся его мастерству и даже (стыдно признаться) завидовал...»

В книжке «Чайковский об опере», выпущенной Музгизом, запись эта воспроизведена так: «...читал «Снегурочку» Корсакова и удивлялся его мастерству...». Музгиз не может допустить, чтобы классик Чайковский испытывал чувство, столь непохвальное, как зависть: в книжке за- висть стыдливо прикрыта... многоточием.

За последнее время некоторые редакторы Музгиза (да и других издательств) пришлились рьяно за... «перевоспитание» классиков — композиторов и критиков. Судя по книжкам, изданным Музгизом, классикам не дозволяется: завидовать кому-либо, кри- ковать произведения других русских композиторов, делать какие-либо ошибки и тем самым доставлять излишние хлопоты и заботы работникам Музыкального изда- тельства. Уподобляясь старой гувернантке из «Пиковой дамы» Чайковского, музгизовские редакторы стараются внушить: «Классикам вашего круга надо приличия знать...»

Перевоспитание и внушения производятся главным образом с помощью многоточий. Многоточие означает пропуск, вы- черк, купюру в тексте. Купюры бывают иногда необходимы. Но они должны быть исключением, а не становиться правилом, системой, «творческим методом» редактора. Возьмите переписку Чайковского и Танеева или «Избранные статьи» Цезаря Юи — и вы натолкнетесь на многоточки в прямых скобках — следы редакторской деятельности, плоды досужей заботы о на- ведении на классиков... лоска.

Многоточки проникли даже в полное собрание сочинений И. И. Чайковского (том литературно-критических статей). Дело доходит порой до совершенных курьезов. Так, например, в «Автобиографиче- ском описании путешествия за границу» Чайковский рассказывает о том, как, не-

Б чему ведет подобный метод, можно судить по примерам из этой книги. В ней, скажем, приводятся известные слова Чайковского, что он не мог бы написать опе- ру с подобным сюжетом и с такими героя- ми, как «Аида» Верди. Только эти, кос- венно заключающие отрицательный отзыв, слова об «Аиде» выбраны и приведены в книжке «Чайковский об опере». Но ведь известны прямо противоположные востор- женные — оценки Чайковским той же «Аиды». «...слышал «Аиду» и пришел от нее в восторг», — писал Чайковский брату в 1876 году из Москвы. Почему этот отзыв (и несколько других подобных же о «ге- ниальном старце» — так называл Верди Чайковский) в Музгизе скрыли от чита- теля?

Вместе с тем, из отзывов Чайковского, например об операх Юи, в книжке при- ведено одобрительное мнение относительно оперы «Ратклиф», но ни одного критиче- ского замечания о других операх, как, например, очень характерного и глубоко вер- ного замечания о «Кавказском пленнике», здесь не найти. И если, таким образом, вер- рить книжке, Чайковский отрицательно относился к Верди и сочувственно к дра- матургии Юи.

По возможности обойти острые углы, приглушить противоречия и конфликты, изъять «несозвучное», спрятаться за многоточие — с этим читатель сталкивает- ся в музыковедческой литературе не впервые.

Как это ни странно, но можно сказать, что тут существует даже некая своеобразная «теория». Согласно этой «теории», в передовом реалистическом искусстве про- шлого должны царить тиши да гладь. Чай- ковский и «могучая кучка», Серов и Стасов, рассуждают подобные «теоретики», находились внутри демократического лагеря, значит, спорить, конфликтовать друг с другом, иметь различные взгляды и мнения им «не полагается». Если споры все же и возникали, если история свиде-

Поч-

Так
русс
от 12
телей
шения
«Тр
ковод
пишет
осуще
тому
ленны
Совер
ры и 1
от это
долг —
исхода
ые я
колхоз

Отм
ботник
жения
кой, г
«сегод
о том,
перед

«Звя
ской м
матогр
хознук
редко,
быстро
мени т
ства. Г
ла Бе
постав
но вск
ны. Не
но не
и имея
жавор
забиво
колхоз
связы
кратча

Рабо
«Звезд
можно
венный

ожиданно для него, его приветствовал в Лейпциге военный духовой оркестр. Эпизод этот убедил Чайковского, как он писал, в том, что «...политика николько не влияет на музыку и что Марс и Аполлон суть боги, друг от друга не зависящие». В издательстве к этой полуутягливой фразе Чайковского придрались, нашли, очевидно, в ней недопустимую в устах классика пропаганду аполитичности и отрыва искусства от жизни, и посему Аполлона и Марса Петру Ильичу — так и быть! — оставили, а «политику» на всякий случай убрали.

Подобная «подгонка» под современность, весьма распространенная в музико-ведческой практике, как правило, всегда сопровождается вульгаризацией и извращениями и прошлого и настоящего. В одном из писем Танеева к Чайковскому (в 80-е годы они много спорили об исторических путях развития русской музыки) есть такое место: ссылаясь на знаменитое высказывание Пушкина, Танеев писал, что «надо учиться русскому языку у просвещен», — его (Пушкина). — М. С.) подлинные слова. Эти слова мы должны помнить и обращать свои взоры к народу. При этом условии знакомство с европейским искусством окажет нам неоцененную услугу, такую же, какую оно оказало Пушкину, Тургеневу. Последней фразы в тексте нового издания, выпущенного Литературным музеем, не оказалось. Можно предположить, что составитель и редактор книги В. А. Жданов не разделяет мнений Танеева. Но достаточное ли это основание для того, чтобы лишить Танеева его слов, заменять их многоточием?

Собрать высказывания Чайковского об опере, показать, как исторически развивались его взгляды на один из наиболее демократических жанров музыки, как великий композитор боролся за русское искусство, за русский музыкальный театр, — работа и важная и полезная. Поэтому книжка «Чайковский об опере» была встречена с интересом. В ней действительно приведено много драгоценных мыслей Чайковского, но многое и не вошло. Музгиз отобрал, главным образом, то, что считал «подходящим», «созвучным» нам сегодня. О высказываниях Чайковского, почему-либо не понравившихся Музгизу, не сказано ничего, и потому читатель невольно получает однобокое представление о взглядах Чайковского на эту тему.

тъствует порою даже об ожесточенной борьбе, которая шла, например, в 60—70 годах прошлого века в среде русских передовых музыкантов, надо эти споры и борьбу по возможности скрывать, сужать, трактовать, как незначительные, нетипические.

Такое умозаключение не учитывает диалектики живой жизни, страдает абстракцией, оторвано от реальной исторической действительности. Надо ли напоминать, что не только становление русской классической музыки проходило в борьбе, но и русская мысль о музыке рождалась в испытаниях. Русские музыканты выступали пионерами, пролагателями путей в разработке целого ряда важнейших проблем музыкального искусства (проблем реализма, народности, национальной формы и т. д.). Перечитывая ныне страницы писем Чайковского, не только горячо, но, можно сказать, ожесточенно спорившего с Танеевым и по общим вопросам развития музыкального искусства и по поводу своих собственных произведений, таких, как «Евгений Онегин» и Четвертая симфония, порою отказываешься верить, что спорили ближайшие друзья. Серов и Стасов вели долгую дискуссию о драматургии «Руслана и Людмилы» Глинки. И это онятъ-таки был принципиальный спор передовых людей своего времени, музыкантов, одинаково влюбленных в Глинку, но по-разному представлявших себе пути русской оперы, по-своему трактовавших понятие реализм и т. д.

В напряженных поисках истины, в столкновениях мнений кристаллизовалась демократическая идеология русского музыканта, росло и крепло его национальное самосознание, оформлялся реалистический метод.

Поэтому приглушать имеющие место споры, тушить конфликты и противоречия в музыкальном прошлом — затея столь же неправомочная, сколь и бесполезная. Историю музыки, как и вообще историю, нельзя ни улучшать, ни ухудшать.

Читатель всегда и во всем хочет и имеет право знать правду. И не согласен ни на ее утайку, ни на ее прищуривание, и уже во всяком случае он никогда не простит лжи, какими бы «благими» побуждениями она ни диктовалась и какими многоточиями ни прикрывалась.

М. СОКОЛЬСКИЙ

деревя
русы
кино
«Бел
зета, —
сказать
поэмы
произве
читател
литерат
утверж
еще не
ного ве
бледно
дельны
ности,
общест
лей въ
обдене
ствами
жизни
дого пи

На д
зета»,
обсуди
устава
Иванов
Иванов

В И
завыш
ботах
неправ
ные ра
скуму
ны зав

Руко
образо
телей
в резу
ковтира

Сове
нистра
гонова
ского
шихся
роль з
школа

За
нок зн
ской ш
— тов.
вор с

Сове
и Има
воспит
порочн
ваемост